

Весь мир

**АНАТОЛИЙ
ЛЕВАНДОВСКИЙ**

*Священная
империя*
**КАРЛА
ВЕЛИКОГО**

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2021

УДК 393
ББК 63.3(2)
Л 34

Левандовский А.П.

Л 34 Священная империя Карла Великого. – М.: Родина, 2021. – 288 с. – (Весь мир).

ISBN 978-5-00180-312-6

Знаменитый труд профессора А.П. Левандовского о Карле Великом – это не только биография первого императора Запада, основателя Франкской империи, но и история становления средневековых государств Западной Европы: Франции, Германии, Италии.

Карл Великий, несмотря на свою известность, – один из самых загадочных правителей Средневековья, эпохи, когда вопросы генеалогии имели решающее значение для претендента на престол: точные время и место рождения будущего императора до сих пор остаются неизвестными. Зато можно определенно сказать, что именно в правление Карла Великого начался «Дранг нах Ост», тот враждебный натиск на славянство, который Запад продолжает по сию пору. Только за время правления этого императора было совершено более 50 военных походов, половину из которых возглавил он сам.

В результате захватнических войн Карл Великий создал огромную империю, простиравшуюся от Венгрии до Испании. Построенная на насилии над народами Европы, Франкская империя просуществовала недолго, и после смерти Карла Великого (814 г.) распалась на части. Знакомство с книгой профессора Левандовского дает понимание того, что многие геополитические проблемы современности были заложены в эпоху «темных веков» западной цивилизации.

УДК 393
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00180-312-6

© Левандовский А.А., 2021
© ООО «Издательство Родина», 2021

*Светлой памяти дорогого учителя
Николая Павловича Грацианского*

К ЧИТАТЕЛЮ

Эта небольшая книжка для автора значит в чем-то больше, нежели остальные тринадцать увесистых «кирпичей», опубликованных им ранее: она — плод первой любви, а первая любовь, как известно, остается неизгладимой на всю жизнь.

Все началось с экзамена по истории Средних веков, который я, гордый студент истфака университета, в 1939 году сдавал профессору Николаю Павловичу Грацианскому, славившемуся «людоедством». Я уже давно окончил свой «блистательный» ответ о Каролингах (не упомянув, правда, о какой-то новейшей теории — то ли Допша, то ли Зеелигера), а Грацианский все еще тербил свой длинный ус, так напоминавший мне всегда легендарные усы Карла Великого, потом решительно взял зачетку и вывел «хор.». То была моя единственная «четверка» за годы учебы в университете... Мог ли думать я тогда, что буду его учеником и стану заниматься как раз этими самыми Каролингами? Наверное, мог, если не думать, то чувствовать, потому что уже тогда боготворил его и считал, что только он достоин быть моим учителем...

А потом было много всякого, и вот уже окончилась война, и вот я — аспирант того же истфака — занимаюсь у него на дому в семинаре для избранных «счастливицков» и читаю доклад о саксонских войнах Карла Великого...

Свою диссертацию «Эйнгард и каролингская традиция» я защищал уже без него, после его трагической гибели; и защита прошла не гладко, поскольку работа не отвечала установленным канонам; а один из оппонентов даже назвал меня «парадоксалистом». По-видимому, только его славное имя, да еще имя Евгения Алексеевича Косминского, согласившегося стать формально моим научным руководителем после рокового события, спасли работу от провала. Опубликовать ее мне, конечно же, не удалось — подобные темы в те времена в качестве «неактуальных» находились под запретом. И как было обидно, уже многие годы спустя, видеть, что в зарубежной литературе утверждается то одна, то другая «идейка», которая давно уже высказана тобой, но «там» об этом не знают...

Чувствуя бесплодность моей тематики в подобных условиях, я на долгие годы сменил ее, не порвав, правда, с историей Франции, которая на всю жизнь оставалась для меня единственным полем деятельности. Что же касается проблемы «Карл Великий и Европа», то здесь удавалось лишь время от времени «пробивать» (с большим скрипом) отдельные статейки. Я подружился с хорошими людьми из Главного управления геодезии и картографии, и они помогли мне осуществить подготовку Атласа, который, увы, так пока и не вышел, хотя мои картографические наброски по эпохе Каролингов проникли во многие атласы и учебники — школьные и вузовские, а также и в обобщающие труды типа «Всемирной истории».

Теперь, на склоне лет, мне, что называется, вдруг «подфартило». Ситуация изменилась — старые запреты отпали. Сегодня можно публиковать все, хотя это очень трудно сделать по причинам уже иного порядка. И вот в результате появилась эта небольшая книжка. Конечно, это лишь крохи. Но сомневаюсь, что по условиям возраста и ряда других обстоятельств удастся сделать большее. А пока я счастлив,

что удалось хоть в таком несовершенном виде обнародовать свою «общую идею». И если она заинтересует читателя, а может стать, и убедит его, то большего удовлетворения в этой жизни для меня быть не может.

Первое издание этой книги вышло в свет в 1995 году и встретило благосклонный прием у читателей. Новое издание значительно отличается от предыдущего. Учтены замечания, исправлены ошибки и неточности, переосмыслены отдельные положения. Кроме того, значительно расширены некоторые главы и параграфы, иные же — написаны заново.

Пролог

БЛУЖДАЯ ВЗОРОМ ПО КАРТЕ ЕВРОПЫ...

Еще при жизни он получит прозвища: «Славный», «Блистательный», «Победоносный», «Мудрый»; но одно вскоре возобладает над другими и пребудет в веках: «Великий». Оно неразрывно сольется с именем. «Carolus Magnus» латинских текстов, «Karl der Grosse» у немцев, «Charlemagne» у французов — таким войдет он в легенду, из поколения в поколение оставаясь эталоном для царственных подражателей — Фридриха Барбароссы в XII столетии, Филиппа Доброго — в XV, Карла Пятого — в XVI, Наполеона — в XIX.

Чем заслужил он подобную честь? Завоеваниями? — Но они оказались эфемерными и едва пережили завоевателя; административными реформами? — но они почти не поднялись над уровнем установлений предков; экономическими преобразованиями? — но они были ничтожными; достижениями в области культуры? — но сегодня придуманный кем-то термин «каролингский ренессанс» обычно заключается в кавычки. Так в чем же здесь величие?

Не станем торопиться. И, прежде всего, заметим: вряд ли корректно мерки сегодняшнего дня применять к VIII—IX векам. Империя Александра Македонского тоже распалась после смерти завоевателя, не слишком усердно занимавшегося реформаторской деятельностью, и тем не менее в глазах потомства он остался Великим. Видимо, подлинную сущность явления определяет не то, что лежит на по-

Карл I Великий (Национальная французская библиотека)

верхности и может быть сведено к совокупности неких простых истин. Истина синтезирующая всегда много глубже и определяется не с первого взгляда, требуя проверки длительным временем. Франкский король и император Карл, сын короля Пипина, эту проверку выдержал, о чем свидетельствуют постоянно появляющиеся на Западе новые исследования о его жизни и деятельности. А с 1950 года в городе Ахене, столице империи Карла, проводится ежегодное присуждение премии его имени лицам или организациям, внесшим особый вклад в дело европейского единства.

Впрочем, здесь не все так просто и гладко, как может показаться на первый взгляд. Уже кое-кто из младших современников Карла относился к нему неоднозначно и даже предрекал душе его адский пламень. А позднее, как это бывает обычно, в дело вмешались политика и политические амбиции, не раз осложнявшие восприятие образа великого императора. Ибо если в иные эпохи французские и немецкие исследователи рьяно оспаривали его друг у друга в качестве «основоположника» их национальной истории, то в других случаях они из тех же побуждений и с такой же ретивостью отреклись от него. Достаточно вспомнить позиции немецких историков и псевдоисториков во времена националистического угара франко-прусской войны и, в особенности, гитлеровского «нового порядка», когда основателю Каролингской империи не могли простить его истребительных войн против «арийцев» — саксов и даже называли его не Karl der Grosse, а Karl der Franken. И точно так же их французские оппоненты не раз отталкивали Карла и принижали его значение за «прогерманские» позиции и акты. Политика всегда остается политикой, и поскольку герой этой книги, строго говоря, не «немец» и не «француз», то националистическая историография ни там, ни тут не может испытывать к нему чрезмерных симпатий.